

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Приглашение к размышлению

**В.П. КРУТОУС. ЭСТЕТИКА И ВРЕМЯ.
КНИГА ВЗАИМООТРАЖЕНИЙ. –
СПб.: Алетейя, 2012. – 672 с.**

В.И. САМОХВАЛОВА

В издательстве «Алетейя» вышла новая книга известного философа, ученого, специалиста по эстетике и культурологии В.П. Крутоуса. Это большая, многоаспектная и во многих отношениях – в эстетическом, культурном, культурологическом, историческом – представляющая большой интерес работа, посвященная анализу наиболее актуальных и важных проблем философской эстетики и культурологии. По способу подхода к рассмотрению избранных В.П. Крутоусом проблем, типу отбора и структурированию изложения это не обычная монография, посвященная пусть и актуальной и важной, но частичной теме, но фундаментальное исследование комплекса наиболее «резонансных» эстетических проблем. Они рассматриваются как с позиций их исторического развития, так и в тесной связи с проблематикой смежных с эстетикой научных дисциплин, также взятых автором в развивающемся и специфически осмысленном в этом их развитии историческом «интерьере» времени.

Используемый способ по смыслу объединяет входящие в книгу материалы в некую целостность. И здесь следует отметить, что у книги очень точное название. Эстетика в ее бытии, развернутом во времени и временем определяемом. Книга взаимоотражений: время, отраженное в эстетике, и эстетика, разворачивающаяся во времени и отражающая его особенности, его проблемы и тенденции, его дух. Автор выстраивает общую панораму эстетического взгляда на мир, представленного в многообразии его проявлений, и даже введение некоторых, как бы дополнительных, на первый взгляд кажущихся необязательными аспектов и ракурсов рассмотрения, на самом деле позволяет представить общую проблематику более объемно и глубоко, во всем богатстве тонких нюансов развития эстетической мысли, в живой изменчивости представлений, имеющих в своем сложном составе психо-этические, культурно-ценностные, историко-психологические составляющие.

Виктор Петрович Крутоус хорошо известен как специалист в области исследования прекрасного, выявления и описания того, что составляет его основу и специфику. Ему принадлежат такие книги, как «Категория прекрасного и эстетический идеал», «Родословная красоты (прекрасное и целесообразность)», «Путь к прекрасному (об эстетическом идеале)» и многие другие работы. В них освещаются основополагающие эстетические категории и проблемы, имеющие методологическое и общекультурное значение для

эстетического понимания многомерно существующей реальности. Сам автор определяет свою задачу как стремление отразить дух времени в эстетических трудах, теоретических концепциях мыслителей, внесших свой вклад в развитие научной эстетической мысли, в развитие художественной культуры общества, в формирование общих культурных тенденций поступательного культурного развития.

Выход рецензируемой книги важное и примечательное событие.

Во-первых, мы, несмотря на наш сложный во многих отношениях социокультурный (и не в последнюю очередь экономический, оказавшийся неожиданно — для нашей культуры — наиболее значимым) контекст, все еще продолжаем интересоваться отвлеченными проблемами красоты, и нас по-прежнему заботит, как отзовуся в человеческой культуре те изменения, которые происходят в современном искусстве, художественном сознании в целом. Нас интересует специфика тех процессов, которые являются показательными для человека, определяющими для его самоидентификации, для понимания создаваемой им и окружающей его культуры и развивающимися на материале этой современной культуры в целостности ее понимания.

Во-вторых, то, что вышла большая книга по эстетике, составляющая определенный итог столь же большой и важной многолетней работы ее автора, есть хороший и в известном смысле обнадеживающий знак: эстетика как таковая по-прежнему активно и плодотворно существует. Правда, в последнее время говорят, что эта столь отвлеченно-рафинированная академическая дисциплина исчерпала и себя и свои возможности, и не выдержит соседства и конкуренции со сравнительно молодой и активно развиваемой наукой культурологией, которая как бы ближе к жизни с ее быстро изменяющимися реалиями. Ныне действительно стало модно вместо взаимодействия, взаимодополнительности и сотрудничества говорить об отношениях и людей, и наук в терминах именно конкуренции. Однако в данном случае это неудачный термин, взятый из «инакой» сферы: утверждение идеологии и механизмов рынка отнюдь не способствует ни развитию наук и искусств, ни облагораживанию нравов. Мы, в частности, помним, как Василий Розанов еще в его время, далекое от современного рынка, писал о торжестве агрессивной американской денежной морали над мировой наукой и культурой: «...поставив свой сапог на академический стол, — пишет он, — рынок увенчал его (сапог) лаврами, снятыми с голов Гомера, Данте, Шекспира, Мильтона». А у нас, в наше время, как пишет уже современный поэт Евг. Евтушенко, тоже не лучше: «И нынче в уличные музыканты / Уходят Гегели, уходят Канты...»¹

Но вернемся к культурологии, которая сама по себе ни в чем не виновата, а напротив: не просто объединяет, но весьма активно осваивает многие области, традиционно считавшиеся, например, территорией по преимуществу эстетики. Тем более, что данный процесс ныне усугубляется как бы ползучей девальвацией эстетики и даже самого этого термина. «Эстетика» — так ныне может называться, например, салон модной мебели, а «Эстетическими центрами» называются не центры художественно-эстетического образования и развития детей и молодежи, а салоны наращивания ногтей и волос, бутики модной одежды и т.д. «Эстет» — это название не художественной выставки или галереи, например, а магазина мужских костюмов. Напомним, что данный процесс девальвации науки эстетики происходит в общем безэстетичном, а иногда просто антиэстетичном контексте массовой культуры, на

фоне разрушения норм (культурных, нравственных, эстетических) и самого понятия нормативности, пренебрежения к высокому искусству и одновременного засилья шоу-бизнеса и придания «сверхзначения» жизни околотехнической «тусовки». Можно, для примера, сравнить также и гонорары в науке и шоу-бизнесе: это впечатляет. Однако ученые продолжают работать: пишут книги, несмотря ни на что остаются верны избранному ими пути в науке, продолжают поиск истины... И в этом контексте, полном неадекватности, вспоминаются слова песни известной поэтессы Новеллы Матвеевой: «А что я с этого буду иметь — / Того тебе не понять».

В совокупности весь этот контекст практически тотальной подмены традиционных норм, понятий и ценностей не только весьма затрудняет, например, современным профессорам эстетики чтение лекций по данной дисциплине в студенческих аудиториях, где предварительно необходимо «реабилитировать» науку эстетику, очистив само название этой науки от разного рода спекулятивных его использований, представив эстетику в ее собственном смысле и выражении, но и в целом образует «основание», в котором «Диссертационные ученые советы по эстетике» в массовом порядке начинают преобразовываться в «Ученые советы по этике, эстетике и культурной антропологии» или же «Советы по этике, эстетике, культурологии и теории (истории) культуры» (возможны и иные варианты). Все это, конечно, свидетельство не столько «научной недостаточности» самой эстетики, сколько недостаточности образования или научной неосведомленности новых чиновников от науки, которые подобным смещением снижают уровень специальной компетенции советов, переставших быть специальными (специализированными), собственно экспертными. В любом случае, не без оснований, как говорится, становится «за дисциплину обидно».

В современных условиях не только снижения общего уровня образования, но и отмечаемого многими исследователями оскудения реальной культуры и падения художественно-эстетического вкуса населения значение эстетики с необходимостью возрастает. Правомерность же обращения к ней в этих условиях очевидна, ибо только воспитание вкуса и эстетическое развитие человека делают человека не просто работником, но подлинным специалистом, мастером, Творцом. Так, по мнению А. Пуанкаре, человек с неразвитым эстетическим сознанием никогда не станет истинным творцом². Не следует упускать из вида, что красота — категория не только эстетическая, но и экономическая: как утверждал один всемирно известный авиаконструктор, «некрасивый самолет не полетит»; и действительно, не летит, и мы видим, как в последнее время участились аварии в небе... Связь эстетики с безопасностью полетов может показаться слишком эксцентричным поворотом темы, однако изрядной доли правды в этом нельзя не заметить. Ведь именно эстетика является наукой о красоте, о законах ее организации, которая закономерна в своей объективности, целесообразности и, следовательно, в функциональности. И именно эстетика изучает подобные вопросы и делает понятными те скрытые в основании самой природы и материи законы, в соответствии с которыми строится жизнь и возможность ее развития и сохранения. И именно на эту, в известном смысле объективную сторону красоты указывает в своих работах и автор книги.

И потому следует недвусмысленно, со всей определенностью подчеркнуть, что эстетика по-прежнему не просто существует, но остается незаменимой и самостоятельной в своей специфике, независимой философской дисципли-

плиной, отдельной от культурологии, искусствоведения и других подобных (или смежных) наук. Гегель, как мы помним, утверждал, что всякая действительная философская система должна с необходимостью увенчиваться созданием эстетической теории. И как эстетическая теория завершает общую философскую систему, так и эстетическое восприятие необходимо для полного, *адекватного* и истинно человеческого восприятия мира и жизни в их действительном существовании и многообразном проявлении. И это не случайно. Эстетика творчески и искусно соединяет в себе импульсы противоположных (хотя так только кажется) стихий — эмоций и духа, интеллекта и интуитивного прозрения, переплавляя это в новое качество знания человека о мире и о себе, своей душе, своей человеческой идентичности. Эстетическое сущностно, глубинно, программно, методологически связано с этическим, нравственным, духовным. Так, по весьма интересному и тонкому замечанию Марины Цветаевой, «искусство есть некий физический мир духовного, будучи в то же время и неким духовным миром физического». По аналогии, и эстетика соединяет в себе, не дает распасться этим двум мирам — двум неразрывным природам человека, соединяя их в эстетическом, глубинно *человечностном* анализе. Наука и искусство как бы объединяются в эстетике, равно воспевающей и истину, и красоту. И не этим ли объясняется вышеприведенное утверждение Г.В.Ф. Гегеля, касающееся эстетической теории, ибо Истина прекрасна³, а Красота в своем бытии истинна?

Эстетика своим потенциалом и своими интенциями соединяет, казалось бы, несоединимое и извлекает ценности столь общего смысла, что никакая другая наука так не умеет. А Пуанкаре неслучайно утверждал, что только в области эстетики можно найти представления и образы, сравнимые по силе и уровню обобщения с математическими символами, сравнивая эстетику с математикой именно по способности их к нахождению и формулировке наиболее общих представлений о порядке мира и бытия. Ибо мир существует в формах и через формы, и законы создания (образования) этих форм лежат в основе организации самого мира. И мир, становящийся все более единым с необходимостью требует к себе холистического взгляда, способного к восприятию целого, т.е., по сути, требует способности к *образному* восприятию, составляющему основу и специфику восприятия эстетического. К сожалению, ныне давно никто уже не вспоминает о необходимости *эстетического воспитания*, которому прежде придавалось должное значение. И именно неумение (или утраченное умение) воспринимать мир в его единстве (что в значительной степени есть эстетическая проблема) определяет возрастающую неадекватность восприятия мира и его понимания современным человеком. И это, на наш взгляд, определяет новую актуальность эстетики именно в современном контексте, все более объединяющем мир в единстве его бытия и познания и требующем единства взгляда, искусства восприятия и адекватности формируемого образа развивающегося мира. Это и означает, что эстетика с ее возможностями, с ее специфическим восприятием мира, с ее особым постижением мира самого человека принципиально не заменима никакой иной, самой уважаемой дисциплиной, что она не сводима к любой другой философской или гуманитарной дисциплине. Все эти мысли с необходимостью возникают, будучи иницируемы способом и характером понимания эстетики автором рассматриваемой книги.

В самом деле, культурология — замечательная наука, возникшая сравнительно (с эстетикой) недавно, она находится в стадии становления, но в силу

самого своего предмета, его роли в жизни человека и его места в процессе самого его формирования в этом качестве, уже успевшая стать одной из наиболее значимых и востребованных наук. Но при всем том это — другая наука. Наука о другом предмете. Как разными дисциплинами являются равно уважаемые, например, физика и химия, но при этом никому не придет в голову говорить об избыточности той или другой из них. Относительно же эстетики подобные недалновидные реплики слышать уже доводилось. У каждой из наук есть свой особый предмет, свой язык, своя методология. И именно их взаимодополнительное сотрудничество, их взаимоотражение друг в друге обогащает и углубляет каждую из них. К сожалению, приходится повторять эти фактически прописные истины, которые ныне вдруг оказываются либо в забвении, либо в пренебрежении.

Книга В.П. Крутоуса самим фактом своего выхода в свет, и тем более своим содержанием, в котором представлен тридцатилетний период работы ученого (1980 — 2010), является вызовом подобным недалновидным суждениям об эстетике. Автор своей книгой утверждает особость и незаменимость эстетики, «голосует» за ее безусловное существование и признание ее непреходящей актуальности. Эстетика во всех своих проявлениях отнюдь не есть наука избыточная, как порою полагают ныне некоторые из тех, кто смотрит на ситуацию со стороны, противоположной смыслу. Эта наука решает общие философские, общие культурные и духовно-человеческие проблемы на территории эстетики и свойственными ей способами, выработанными и апробированными веками исторического развития.

Культурология более конкретна, более социальна, более привязана к реалиям общества и его истории. Эстетика также не сторонится истории, но больше представляет ее не только как внешнюю, но как историю развития, проявления, разворачивания духовной сути самого человека. Искусственные попытки противопоставить эстетику и культурологию напрасны и неразумны. Эстетика как наука не только имеет важную для развития знаний историю, но она аккумулирует в себе такое знание, которое, во-первых, не повторяется в каких-то других науках. Во-вторых, оно по сути и в принципе незаменимо для человека именно в человеческом его статусе и возможности человеческого же развития. Эстетика соединяет мир и человека через общую природу их души. Эстетика соотносит душу и гармонию, составляет некий высший уровень постижения мира, соединяющий в себе метафизику, собственно философию, науку, психологию в самых тонких и широких проявлениях ее для человека.

Во всем этом еще раз убеждаешься при чтении работ В.П. Крутоуса. Исследователь связывает рассмотрение проблем культуры и проблем эстетического плана, но четко идентифицирует специфику их разных задач, методов, средств. Общий культурный фон, культурное пространство, очерченное крупными историческими мазками, и на этом фоне, который, впрочем, не есть лишь безразличный фон, но обуславливающая бытие человека система культурных координат, та культурная реальность, в которой разворачивается бытие эстетических проблем, наполненных самым живым и конкретным содержанием.

При этом необходимо отметить отчетливую гражданскую позицию автора при оценке им реальной ситуации в современной культуре, понимание причин этого и следствий; для него характерна взвешенная идеологическая позиция, не отделяемая от нравственной. При всем этом ученому не изме-

няет точный вкус и неизменно сохраняется строгий академический стиль исследования и изложения применительно к самым актуальным проблемам, при рассмотрении которых он вскрывает их общефилософский смысл, эстетическое, культурное, нравственное содержание, историческое и мировоззренческое значение. Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, сколь глубоким и актуальным может быть действительный, т.е. всесторонний и адекватный действительности, эстетический анализ, каковы значение и роль эстетического подхода и выделения духовных составляющих любой творческой деятельности человека – научной, художественной, идеологической, просветительской...

Книга состоит из трех разделов. *Первый раздел* – историческая часть – содержит работы автора по истории эстетической мысли Европы и России. Прослеживание исторической основы развития эстетических представлений позволяет показать единство и целостность отечественной эстетической науки, особенности и обусловленности формирования эстетических взглядов в непрерывности и преемственности их развития. Это принципиальное убеждение В.П. Крутоуса: эстетика не изолирована ни от философии, ни от культуры, ни от течения исторического времени. В этой связи интересны авторские соображения о причинах и основах такой особенности русского общества, как идеократичность, о специфике формирования политического самосознания, обоснование им особой роли и значения в жизни общества литературы, активного слова.

Рассматривая специфику эстетической проблематики в современной России и отмечая духовный раскол в среде современной интеллигенции, В.П. Крутоус вступает в полемику со многими расхожими взглядами по существу самых актуальных вопросов современной культуры. Несмотря на углубляющийся раскол, на разобщенность общества, деятель культуры обязан продолжать работать; автор дает критический обзор состояния современной культурологической мысли, подвергает анализу контекст и причины кризиса, постигшего наше общество, и, в свою очередь, обусловившего и даже в определенном смысле подготовившего кризисное состояние отечественной культуры. Так, например, представляет интерес данный В.П. Крутоусом психологический портрет позднесоветского гуманитария.

Второй раздел объединяет статьи по различным вопросам эстетической теории и художественной практики. В нем дается определение основных эстетических понятий в контексте современного знания о мире, предлагается современное понимание многих традиционных эстетических понятий. Особый интерес представляют статьи, непосредственно относящиеся к эстетическому, к его бытию, его специфике. В.П. Крутоус дает методологическую основу для его понимания и определения. Так, в статье «Специфика эстетического и искусства в свете дихотомии “утилитарное – эстетическое”» автор выделяет традиционную оппозицию утилитарного и эстетического как фиксацию двух разновидностей человеческого отношения к миру. По данному частному вопросу можно, конечно, не во всем согласиться с Виктором Петровичем в его разделении утилитарного и эстетического по линии жизненно-необходимого в утилитарном, с одной стороны, и кроме-необходимого («сверхнеобходимого») свободного – в эстетическом. Исследования психологов последнего времени показывают, что для древнего человека неосознанно эстетическое (интуитивно-чувственное), будучи вплетено в саму чувственную жизнь даже неразвитого человеческого су-

шествия, оказывалось необходимой формой ориентировочной реакции в условиях жизненной важности оценки (объекта, ситуации как либо опасных, либо нейтральных) в условиях дефицита и времени, и информации для какого-либо более основательного анализа. Подобная целостно-чувственная реакция (пра-эстетическая) была необходимой для выживания древнего человека (она и поныне присутствует в арсенале современных животных), что показывает глубинные истоки и незаменимую витальную роль и функцию эстетического восприятия. Этот уровень, запрограммированный во всяком живом, у человека постепенно выспециализировался в развитую эстетическую чувственность, позволившую развить художественное отношение к действительности, создать искусство. Таким образом, на наш взгляд, эстетическое, будучи заложено как возможность, но реализованное как необходимость, определило и сохранение (выживание) живого, и обеспечило его творческий статус – в культурном человеке. Поэтому не представляется возможным рассматривать эстетическое как не-необходимое, добавочное к необходимому, избыточное⁴.

Интересные мысли и поводы для размышления и дискуссии дают и такие поставленные автором темы, как проблема трагического и мелодраматического. Проблема трагического, как известно, чрезвычайно сложна – по содержанию, по выражению, по пониманию сущности явления и его оценке. Новые аспекты приобретает трагическое и его понимание в современном социокультурном контексте; о сущности трагизма XX в., когда содержание событий и характер их восприятия и осознания порою трагически не совпадают, В.П. Крутоус пишет и с эстетической, и с активной гражданской позиции.

Малоисследованной в отечественной эстетике является и категория мелодраматического, ставшая актуальной в связи с широко обсуждаемой спецификой культуры повседневности, как бы противопоставляемой высокомерию элитаристской культуры. Автор книги анализирует вопрос о том, что же отражает художественно-мелодраматическое искусство: есть ли у него реальный предмет, или это целиком авторское «расположение» к подобному восприятию и трактовке, с одной стороны, и соответствующее ожидание массовой публики, порождение массового сознания, с другой. В.П. Крутоус исследует наиболее характерные для данного жанра признаки и особенности, анализируя их и с точки зрения жанрово-художественной, и с позиции гуманистически-воспитательной, доказывает обоснованность утверждения понятия «мелодраматическое» в статусе эстетической категории (отличной и от комического, и от трагического или безобразного). Философ ставит в связи с этим вопрос о качестве «искусства для народа» и аутентичном смысле самого данного понятия.

Третий раздел объединяет статьи, показывающие, как выстраивается пирамида культуры; это статьи наиболее общего культурологического звучания, где анализируются общие отношения между культурой и цивилизацией, сравнительное определение которых само по себе является интересной и неоднозначной проблемой. Теоретическая эстетическая мысль и искусство, показывает В.П. Крутоус, являются неразрывными частями общей культуры. При этом он представляет культуру как широкую сферу, включающую в себя и понимание природы человека, и окружающей его среды, воздействующей на человека, на все уровни его сознания и души всеми уровнями своего неопустуемого существования. Автор продолжает следовать активно отстаиваем-

тому им принципу историзма в представлении эстетики и культуры, утверждает необходимость не только быть актуальным в своих исследованиях, но основывать свое рассмотрение, свой анализ нового на знании исторического наследия, на учете всего богатства истории философско-эстетической мысли. Это, по убеждению В.П. Крутоуса, всегда составляло отличительную особенность и являлось достоинством отечественной эстетической науки.

Автор книги на разном культурном материале показывает место искусства в процессе формирования адекватного сознания, гражданской позиции, чувства ответственности художественной интеллигенции. При этом широкий исторический контекст позволяет представить предмет и используемые в нем понятия в их развитии и исторической обусловленности.

На всем протяжении книги мы имеем возможность убеждаться, что у ее автора по всем рассматриваемым им проблемам – и об историческом пути эстетики, и о внутренней смысловой соподчиненности ее проблем, о значении эстетики в современной культуре и ее месте в структуре культурологии – существует своя точка зрения, собственное мнение, основанное на личных убеждениях, опыте, знании. В.П. Крутоус выдвигает свои гипотезы, предлагает собственные объяснения, высказывает свои суждения... Не все и не всегда, возможно, согласятся с его мнением или с его доводами, но автор всегда подкрепляет свои мнения теми или иными теоретическими и историческими свидетельствами. Так, может представиться несколько субъективным толкование им связи онтологического и аксиологического у Ф. Ницше, или усмотрение им у того утверждения об упадке трагического в творчестве Еврипида⁵, или о вытеснении мифов наукой: не только сама наука во множестве творит мифы, но современные «мифы» активно создаются, например, масскультом.

Автор книги не претендует на достижение исчерпывающей полноты и точности структурирования общей культурной картины. Мы находим в его книге именно то, что выделил он сам, то, что он считал наиболее интересным для себя и важным с точки зрения своей научной и гражданской позиции. Это и не учебник как таковой, ибо автор не ставит себе цели дать систематическое изложение содержания предмета, тем более что его интересует весьма широкий круг таких предметов, которые объединены эстетическим размышлением, оставляющим за собой право быть личным, даже субъективным. Например, одним из наиболее интересных и удачных представляется в книге обращение автора к «Слову о полку Игореве», где органично и тонко соединены формальный аналитический подход и поэтичность. Это именно авторская книга, лично заинтересованный рассказ об эстетике.

Именно этим можно объяснить боль известного философа за современное состояние культуры. В обществе сместились культурно-нравственные ориентиры и произошла очередная «переоценка ценностей», но истину нельзя ни добыть, ни купить за деньги путем «игр в конкуренцию». Истина постигается особым трудом, особым опытом ума и души, который также не имеет денежного эквивалента.

В.П. Крутоус вводит своих читателей в широкий круг известных и значимых в культуре лиц, раскрывает их взгляды и позиции, полемизирует с их идеями; перед нами проходят В. Соловьев и Ф. Ницше, В. Розанов и Вяч. Иванов, Н. Бердяев и М. Лермонтов, Л. Шестов и Д. Мережковский, Г. Шпет и Л. Андреев и целый ряд других, столь же известных и ценимых создателей человеческой культуры. Раскрывается связь эстетики с целым

комплексом философских и специальных дисциплин: история, социология, искусствоведение, психология и др.

В заключение следует еще раз отметить, сколь большое значение вопросы эстетики, культуры имеют в век господства девиаций и отклонений, а проблема истинной красоты – во времена предпочтения красоты искусственной, легко фабрикуемой по модным массовым лекалам... В то же время автор книги показывает, как одни мифы в одном историческом отрезке времени заменяются другими мифами, суть их одна, и подходить к ним, считает автор, следует с одинаковыми мерками, с равной степенью критичности, оценивать честно и по справедливости.

Таким образом, и сама авторская интенция, и ее реализация в представленной книге, на наш взгляд, заслуживают безусловного одобрения. И можно поблагодарить автора за создание им целостной панорамы деятельности того творческого созидательного духа, который остается верен себе во всех жизненных обстоятельствах и по сути является гарантом сохранения самой жизни, которую можно называть человеческой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Евтушенко Евг.* Поэма «Тринадцать» // *Евтушенко Евг.* Медленная любовь. Стихотворения и поэмы. – М., 1998. – С. 71.

² См.: *Пуанкаре А.* О науке. – М., 1983. – С. 318.

³ Или, как говорит математик А. Пуанкаре, «только истина прекрасна» (См.: *Пуанкаре А.* О науке. – С. 155).

⁴ Этот, возможно, своего рода эстетически-экстремистский взгляд автор рецензии развивает в своей книге: *Самохвалова В.И.* Творчество: божественный дар, космический принцип; родовая идентичность человека. – М., 2007.

⁵ Так, Ницше пишет не столько об упадке самого *трагического* у Еврипида, сколько об агонии этого жанра в прежнем его виде (См.: *Ницше Ф.* Рождение трагедии, или эллинизм и пессимизм // Собр. соч. В 2 т. Т. 1. – М., 1990. – С. 95 – 98), отдавая, однако, должное «рассудочной критичности» Еврипида. При этом то, что у Еврипида мы видим становящийся отчетливо выраженным переход от сознания безличной неотвратимости античного рока к психологизму становящегося индивида, от стоического смирения перед судьбой к активной позиции личности, усматривающей истоки трагедий не столько в божественно-небесных, сколько в земных причинах, и – как следствие – то, что Еврипид сделал трагическим героем обычного зрителя, человека повседневности (как бы мы сказали сегодня), вполне согласуется с мыслью самого В.П. Крутоуса, что трагическое имеет место не только в искусстве, но и в жизни.